

же академія и въ настоящемъ ея видѣ. Къ чему же теперь начинать новый порядокъ, когда и старый оказался удовлетворительнымъ? Уже предъ самыми лѣтними каникулами 1838 г., въ которыя въ академіи происходили разныя передѣлки, Карасевскій, наскучивъ, вѣроятно, имѣть споры съ ректоромъ, призвалъ къ себѣ эконома и велѣлъ ему доложить своему начальнику, что графъ находитъ нужнымъ отдѣлить особыя комнаты для спанья студентамъ и устроить новую мебель. Экономъ сказалъ о томъ ректору, который, замѣтивъ настойчивость со стороны своего подчиненнаго, указывавшаго преимущественно на желаніе графа и Карасевского, сказалъ: «Что же, что они желаютъ? Мало ли они чего желаютъ? Что мнѣ Карасевскій? Вѣдь онъ не начальникъ мой. Да и графъ? Вѣдь онъ въ синодѣ оберъ-прокуроръ, а въ комиссіи духовныхъ училищъ такой же членъ, какъ и прочіе, которые вовсе не желаютъ передѣлывать академію на свѣтскій манеръ. Не хочу, такъ и скажите Карасевскому». Его высокопреподобіе никогда почти не было почему-то такъ храбрымъ, какъ въ это время; вѣроятно, его воодушевляла идея, что онъ предназначенъ отстоять бурсацкія преданія старины глубокой. И когда экономъ подалъ было записку въ академическое правленіе о необходимости тѣхъ передѣлокъ, на которыя указывалъ ему Карасевскій, то ректоръ сказалъ: «я этой бумаги ни за что не пушу въ ходъ; возьмите ее назадъ». Но храбрость отца ректора продолжалась не очень долго; злой рокъ заставилъ его отказаться отъ старины и сдѣлаться невольнымъ поборникомъ новизны.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ студентъ и вмѣстѣ письмоводитель правленія, Суворовъ, часу въ девятомъ вечера ушелъ куда-то, не смотря на то, что по академическимъ правиламъ выходъ изъ академіи студентамъ дозволялся только до осьми часовъ. Суворовъ не только не возвратился въ тотъ же день, но и, какъ говорится, совсѣмъ пропалъ. Академическое правленіе донесло объ этомъ комиссіи духовныхъ училищъ, которая хоть и не сдѣлала никакого выговора, но между тѣмъ имѣла поводы думать, что въ академіи инспекторскій надзоръ не совсѣмъ хорошъ; это было вполне справедливо. Исправлявшій должность инспектора Климентъ Можаровъ немного придерживался поговорки: «помоги Богъ и вашимъ и нашимъ»; ему хотѣлось и выслужиться передъ начальствомъ, и понравиться студентамъ, которые и умѣли воспользоваться этою его слабостію. Но на несчастнаго отца Климента валилась бѣда за бѣдой. Въ маѣ мѣсяцѣ въ бассейнѣ Обводнаго канала найдено было тѣло Суворова. При осмотрѣ его на верхней губѣ оказалось много запекшейся и затвердѣв-